

Жукова О. Ю. Магия слов : лексемы с семантикой *заговор* и *заговаривать* в вепском языке (этимолого-семантический и лингвогеографический аспекты) / О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 28—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-28-45.

Zhukova, O. Yu., Zaitseva, N. G. (2022). Magic of Words: Lexemes with Semantics ‘Spell’ and ‘to Spell’ in Vepsian (Etymological-Semantic and Linguo-Geographical Aspects). *Nauchnyi dialog*, 11(2): 28-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-28-45. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-28-45

**Магия слов:
лексемы с семантикой
‘заговор’ и ‘заговаривать’
в вепском языке
(этимолого-семантический
и лингвогеографический
аспекты)**

Жукова Ольга Юрьевна^{1,2}
orcid.org/0000-0001-9527-7982
кандидат филологических наук
olgazhukovaveps@mail.ru

Зайцева Нина Григорьевна¹
orcid.org/0000-0002-8335-2137
доктор филологических наук,
zng@ro.ru

¹ Институт языка, литературы и истории —
обособленное подразделение
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской
академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН)
(Петрозаводск, Россия)

² Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках выполнения
госзадания КарНЦ РАН
Авторы выражают искреннюю
благодарность Н. Л. Шибановой,
главному инженеру по информационным
технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН
за помощь в технической подготовке
лингвистических карт

**Magic of Words: Lexemes
with Semantics ‘Spell’ and
‘to Spell’ in Vepsian
(Etymological-Semantic and
Linguo-Geographical Aspects)**

Olga Yu. Zhukova^{1,2}
orcid.org/0000-0001-9527-7982
PhD in Philology
olgazhukovaveps@mail.ru

Nina G. Zaitseva¹
orcid.org/0000-0002-8335-2137
Doctor of Philology
zng@ro.ru

¹ Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(ILLH KarRC RAS)
(Petrozavodsk, Russia)

² Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within the framework
of the state assignment of the KarRC RAS
The authors express their sincere gratitude
to N. L. Shibanova, Chief Information
Technology Engineer of the Institute
of Linguistics, Literature and History
of Karelian Research Center of the Russian
Academy of Sciences, for her assistance in the
technical preparation of linguistic maps

© Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится сопоставительный анализ лексем вепского языка с семантикой 'заговор' (*puheg, puitoimine*), а также глаголов со значением 'заговаривать; произносить заговоры'. Актуальность исследования обусловлена значимостью заговорной традиции для мировоззрения вепского народа и возможностью выявления семантико-этимологических особенностей группы лексики, связанной с данной сферой жизни. Анализируются наименования понятия «заговор» (*puheg, puitoimine*), где лексема *puheg* в отличие от русского термина *заговор* (< *заговорить* < *говорить*) связана не с говорением, а с своеобразным «выдуванием» слов изо рта в процессе заговаривания. Из литературы известно об аналогичном явлении, свойственном одному из русских говоров Республики Коми (*дуть слова*), по поводу чего авторы данной статьи полагают, что оно может быть своеобразной калькой из прибалтийско-финских языков, в которых подобное явление представлено более широко, хотя не исключают и некой универсалии в развитии языков. В представленной авторской разработке уделяется внимание этимологии и семантическим нюансам лексем *sana* и *vajeh* со значением 'слово', одна из которых (*sana*) также по своей семантике пересекается с магией слов мира заговоров. В исследовании анализируются этимологические аспекты глаголов «магического действия» (*puhuda, puiteida, otvedaida*), где проявляются как исконные основы, так и заимствования из русского языка. Лингвистические карты иллюстрируют широту распространения анализируемых терминов в диалектах вепского языка.

Ключевые слова:

вепский язык; заговор; заговаривать; этимология; языковые контакты; лингвистическая география; универсалии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A comparative analysis of the Veps language lexemes with the semantics 'spell' (*puheg, puitoimine*), as well as verbs with the meaning 'to spell; pronounce incantations'. The relevance of the study is due to the significance of the spell tradition for the worldview of the Vepsian people and the possibility of identifying the semantic and etymological features of the vocabulary group associated with this sphere of life. The names of the concept of "spell" (*puheg, puitoimine*) are analyzed, where the lexeme *puheg*, unlike the Russian term *spell* (< *to spell* < *to speak*), is associated not with speaking, but with a kind of "blowing" words from the mouth in the process of speaking. It is known from the literature, about a similar phenomenon that is characteristic of one of the Russian dialects of the Komi Republic (*blowing words*), about which the authors of this article believe that it may be a kind of tracing paper from the Baltic-Finnish languages, in which such a phenomenon is represented more widely, although they do not exclude and some universality in the development of languages. In the presented author's development, attention is paid to the etymology and semantic nuances of the lexemes *sana* and *vajeh* with the meaning 'word', one of which (*sana*) also intersects with the magic of the words of the world of spells in its semantics. The etymological aspects of the verbs of "magical action" (*puhuda, puiteida, otvedaida*) are analyzed in the study, where both original stems and borrowings from the Russian language are manifested. Linguistic maps illustrate the breadth of distribution of the analyzed terms in the dialects of the Vepsian.

Key words:

Veps language; spell; to spell; etymology; language contacts; linguistic geography; universals.

УДК 811.511.11'37:61+398.41

Магия слов : лексемы с семантикой 'заговор' и 'заговаривать' в вепском языке (этимолого-семантический и лингвогеографический аспекты)

© Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Как свидетельствуют исследования по этнографии и фольклору вепсов, все окружающее их жизненное пространство, как и у многих иных народов, было ранее активно мифологизировано. Лексем, именующих результат или способ мифологического воздействия на человека, животное либо иное живое существо, в языке вепсов достаточно много. Это воздействие связано с различными природными стихиями, прежде всего с водой, лесом, ветром, которые, по представлениям вепского населения, особенно мощно воздействовали на них, насылая различные болезни, обладающие такими названиями, как *tesannena* 'болезнь от леса (букв. лесной нос)', *tul'l'aznena* 'болезнь от ветра (букв. нос ветра)', *veziehtatiz* 'болезнь от воды (букв. проклятие воды)' и т. д.

Финский исследователь А. Турунен в одной из своих статей после поездки на вепские территории в начале 1940-х годов писал: «...у старшего поколения вепсов еще живы понятия о происхождении болезней как влияния злых сил. Поэтому использование заговоров в качестве средства излечения широко используется. Почти в каждом селе есть знающие женщины среднего возраста (*noid* 'колдун, ведун'), способные производить магические действия» [Tuuninen, 1943, с. 157]. Об этом же сообщает и другой финский лингвист Л. Кеттунен, который в первой половине XX века совершил немало поездок в места расселения вепсов, подготовив работу по синтаксису вепского языка с громадным количеством языковых иллюстраций, которая до сих пор с этой стороны является эталонной, став настоящим кладом живого вепского материала, этнографического и фольклорного [Kettunen, 1943]. Именно Л. Кеттунен назвал земли вепсов "*taikuuden maailma*", то есть «мир волшебства», а вепсов «детьми природы»: «Могут ли эти дети природы и действительно каким-то шестым чувством видеть что-то "*сверхъестественное*", на что глаз человека, отрицательно настроенного к данной культуре, не реагирует?» [Kettunen, 1945, с. 381]. И это его высказывание относилось именно к заговорам, которыми была пропитана вся жизнь вепсов, а в различных ситуациях верили прежде всего в помощь магических слов. Отметим также, что даже обычные представители народа, не имевшие

каких-либо магических способностей, могли воспользоваться заговорами, если так можно выразиться, «в домашних условиях» (это были заговоры, связанные с животными, детьми и их болезнями, промысловые заговоры и т. д.). Но, тем не менее, сама магия произнесения заговоров была прерогативой сведущих лиц, знающих людей, знатоков, колдунов, магическая сила слов которых, как полагали, была значительно более мощной.

Заговоры являются одним из древних способов воздействия на определенную ситуацию для достижения результата, в силу чего их за подобную прагматику ставят на особое место среди прочих жанров фольклора. Заговоры были свойственны всему прибалтийско-финскому миру. В известном карело-финском эпосе «Калевала» персонажи при помощи заговоров, магии составляющих их слов спасались в войнах, ходили на охоту и рыбную ловлю, осваивали железо, шли доить коров, выпускать скот на выпас и т. д. (см. напр. [Лённрот, 2007, с. 88—96, 382—392 и т. д.].

Вепская заговорная традиция до сих пор остается малоизученной. Тексты заговоров рассматривались исследователями при изучении мифолого-религиозного мировосприятия народа, а образы животных, упоминаемых в заговорах, анализировались для выявления традиционных представлений о них [Винокурова, 2006, с. 352; 2008, с. 196—205].

Согласно исследованию, у вепсов выделяются такие типы заговорных текстов, как лечебные (от грыжи, кровотечения, радикулита, боли в ухе, от нарывов, сглаза, порчи и т. д.); любовные (присушки, отсушки); заговоры, связанные с уходом за домашними животными (чтобы у коровы было молоко, для лечения коровы, для защиты на летний период); промысловые заговоры (для удачной охоты, рыбалки). Отдельно выделяются заговоры-обращения, используемые во взаимоотношениях с духами-хозяевами (просьба дать разрешение пойти в лес, вселиться в новый дом, благодарить за мытье в бане и т. д.).

Цель данной статьи представить вепскоязычные наименования понятия «заговор» и действия «заговаривать», раскрыть этимологию и глубинную сторону их семантики в вепском языке на прибалтийско-финском фоне, проиллюстрировать широту распространения лексем на лингвистической карте, сопоставить, по мере возможности, с русским языком, который служил источником для многих терминов в области как материальной, так и духовной культуры вепсов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История собирания вепских заговоров, которые находятся в данной статье в поле особого внимания авторов, начинается с записей финского фольклориста и языковеда, создателя эпоса «Калевала» Э. Лённрота. Находясь в экспедиции на территории проживания вепсов, он собирал материал

для своей будущей диссертации, фиксируя в числе прочего и заговорные тексты. Они вошли в книгу французского исследователя 1875 года Х. Уйфалви [Ujfalvy, 1875].

Материалом для данного исследования послужило и значительное количество иных источников, среди которых образцы вепсской речи финских лингвистов первой половины XX века (например: [NVM, 1935; NÄKM, 1951; NEV, 1920—1925; ÄVN, 1982 и т. д.]), где можно найти и сведения по интересующей нас теме. Представления об особой архаике языка вепсов побуждали финских языковедов активно использовать его в сравнительно-исторических исследованиях, даже считать его своеобразным «прибалтийско-финским санскритом», сохранившим древнее праязыковое наследие [Grünthal, 2015, с. 22]. В связи с этим финские лингвисты и этнографы стали выезжать на территории вепсов значительно раньше отечественных исследователей. Именно ими были сформулированы основные черты диалектов вепсского языка [ЛАВЯ, 2019, с. 6].

Первые поездки в места расселения вепсов отечественные лингвисты стали регулярно совершать в начале 1950-х годов. Тем не менее фонотека Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН насчитывает сейчас более 450 часов магнитофонных записей и является на сегодня одной из самых богатых коллекций вепсской речи. Для данного исследования просмотрены фронтально все книги описей материалов Фонограммархива и проведены расшифровки необходимых материалов. Особо ценную помощь при сборе материала для исследования оказал раритетный словарь диалектов вепсского языка М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [СВЯ, 1972], содержащий значительный объем лексики из всех ареалов языка вепсов. Их перу принадлежат и образцы вепсской речи, где имеется также как этнографический, так и фольклорный материал [Зайцева и др., 1969].

Основными методами исследования являются семантический и этимологический, что позволяет раскрыть более глубоко семантику и мотивы происхождения анализируемых лексем, сравнить и выявить их особенности на прибалтийско-финском фоне, сопоставить, по возможности, некоторые явления с данными соседствующих языков, а также, привлекая лингвогеографический метод, сделать заключение о частоте и характере функционирования лексем в диалектах вепсского языка.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вепсскоязычные обозначения понятия ‘заговор’ (*puheg, puittomine, sana, vajeh*)

Прежде всего обратимся к самим вепсскоязычным обозначениям понятия «заговор». В этом ряду отметим лексему *puheg* ‘заговор’, характер-

ную для северно- и средневепского диалектов. В отдельных пунктах фиксируется также и ее усеченный вариант *puhe* [NÄKM, 1951, с. 37, 317]. В русском языке понятие «заговор» обозначается существительным, образованным от приставочного глагола *заговорить* (← *говорить*). И, таким образом, слово связано с речью, говорением, произнесенным словом.

В вепском языке слово *puheg* берет истоки также от глагольной лексемы *puhuda* ‘дуть, выдувать; заговаривать’, о которой более подробно речь пойдет ниже. В образовании лексемы участвует в настоящее время исключительно редкий, практически не участвующий в образовании новых слов, суффикс *-eg*, производящий слова именно от глаголов. И, таким образом, вепское слово *puheg* ‘заговор’ (или букв. ‘выдувание; дуновение’) соотносится с речью опосредованно, как с неким специфичным физиологическим процессом — выдуванием слов изо рта. В фольклорных текстах даже появилось словосочетание *puhuda puhegid* ‘говорить заговоры’ (букв. ‘выдувать, дуть дуновения’) [СВЯ, 1972, с. 438]. Многие вепские заговорные тексты обладают именно подобным зачином: *Sur’ Sündei sötai, abuta puhegid puhuda* ‘Великий бог кормилец, помоги заговоры говорить (букв. выдувать дуновения)’ [Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН, № 1304, II/3].

Из научной литературы известно, что в одном из говоров старого русского села на берегу р. Лузы в Республике Коми также зафиксировано словосочетание *дуть слова* в значении «воздействовать на кого-либо (посредством слова) с целью причинения вреда, чаще — для оказания помощи» [Ильина, 2014, с. 31]. Данный словесный образ исключительно близок вепскому. Не является ли он калькой из прибалтийско-финских языков, пришедшей, возможно, через коми язык, который является финно-угорским? Отметим в связи с этим, что глагол *puhuda*, давший начало лексеме *puheg* ‘заговор’, — прибалтийско-финский, отсутствующий в коми языке. Его возможные рефлексy в более дальнородственных языках ханты и манси, являются, по мнению этимологов, ненадежными. Кроме того, глагол считают дескриптивным, что способствовало еще более значительному разбросу в фонетическом облике слова и его семантике [Häkkinen, 2007, с. 964]. Тем не менее данное явление не может остаться без внимания лингвистов так же, как, например, вепское *ser* ‘кузнец; искусный мастер’, а также и ‘дрожжи’, с одной стороны, и, с другой стороны, русское диалектное (вологодское) *мастер* ‘закваска’, отмеченное в «Словаре говоров Русского Севера» (‘... пиво прокипятят и пускают в ход, *мастер* в основном туда кладут ...’ [2018, с. 246]). И в данном случае одна и та же метафора стала мотивом для номинации в языках разных языковых систем: кузнец, рабочий человек, *мастер* и дрожжи — закваска и *мастер*. Является ли это семантической калькой? Вполне воз-

можно, что это одно из универсальных явлений, которые на одних или близких территориях расселения народов, родственных и неродственных, особенно значительны и вероятны. Таким образом, и русское *дуть слова* в одном из говоров Республики Коми может быть определенной универсалией, поскольку физиологический процесс произнесения слов также универсален и тесно связан с выдыханием и дуновением. Было бы интересно знать, насколько широко данное выражение *дуть слова* распространено в русских говорах, поскольку для прибалтийско-финских языков оно, особенно ранее, было характерно практически повсеместно. Кроме того, привлечем внимание и к тому факту, что в вепском языке не только существует глагол *puhuda* ‘произносить (выдувать)’, но и возникла лексема, обозначающая результат этого воздействия *puheg* ‘заговор (выдувание)’, что делает картину вовлечения данного образа в магию заговоров еще более яркой, глубокой и завершенной.

Отметим далее, что при конкретизации направленности воздействия лексема *puheg* может входить в сложное слово, в котором первый его компонент иллюстрирует, на что направлен заговор: *purend/puheg* ‘заговор от грыжи’ (букв. грыжа + заговор), *kuiduz/puheg* ‘любовный заговор-присушка (букв. присушка + заговор)’ и т. д.

Семантика *заговора* ощущается также в отглагольном южновепском (Бокситогорский район Ленинградской области) существительном *puitoomine* (< *puitoda*). Слово, возможно, является вепсизмом, отсутствующим в известных этимологических словарях близкородственных вепскому языков. Лексема упоминается в дневниковых записях лингвиста Л. Кеттунена, о котором речь шла выше. Материалы Л. Кеттунена, собранные им в первой половине XX века, размещены его учениками в электронном ресурсе [VVS]. Очевидно, и Л. Кеттунену не удалось в свое время определиться с точной семантикой данного слова; оно лишь упоминается в его списках, но нет определенности в формулировке значения.

У лексем *puitoomine* достаточно сложна семантическая связь с определяемым явлением. Понятно, что существительное *puitoomine* является отглагольным существительным с суффиксом *-mine*, произведенным от глагола *puiteida* (в говорах: *puitooda*, *piiteida*, *piiteitta*) ‘произносить заговоры, заговаривать’, о котором речь пойдет ниже. Отметим, что названный глагол исключительно редкий и иным говорам вепского языка практически не знаком.

Помимо специальных наименований понятия «заговор» *puheg* и *puitoomine*, тексты заговоров вепсы именуют лексемами, обладающими значением ‘слово’. Тем не менее анализ наименований понятия «слово» подсказывает, что и в этом случае подразумеваются «определенные сло-

ва», «особенные слова». Причем как этимологи, так и фольклористы утверждают, что вера во влияние силы слова на деяния — это важная сторона прибалтийско-финской народной культуры [SSA, 2000, с. 153—154; Häkkinen, 2007, с. 1121]. В вепском эпосе «*Virantanaz*», созданном с привлечением фольклорных материалов и мифологических сюжетов, также подчеркивается сила слова:

Mijal virktas: vahv om sana, Ничего нет крепче слова,
Sanal kükstas kibun ani, Слово боль изгонит снова,
Sana hädab mokan, tuskan, Слово гонит страхи, муки,
Tariž vaiše sihe uskta... Сокращает час разлуки...
(Перевод В. Агапитова [Zaiceva, 2016, с. 137]).

В диалектах вепского языка имеется две лексемы с обозначением понятия «слово»: *sana* и *vajeh*. Слово *sana* известно всем прибалтийско-финским языкам, и оно довольно многозначно в прибалтийско-финском мире, обладая семантикой от наименования самого понятия «слово» до вести и известия, речевого акта, обещания, просьбы и *заговора* [SSA, 2000, с. 153—154; Häkkinen, 2007, стр. 1118]. А в ливвиковском наречии карельского языка, близком вепскому, и сейчас *sana* — это ‘слово; обещание; весть известие; *заклинание*’ [Макаров, 1990, с. 326]. Этимологические словари свидетельствуют, что уже в праприбалтийско-финский период в семантике слова *sana* присутствовала магическая составляющая.

В языке вепсов Приюгья (средневепский диалект) у лексемы *sana* также обнаруживается расширенная семантика, например: *Ostaižin, ka üks' sana — ele dengoid* ‘Купил бы, да есть одна причина (один момент, один факт) — нет денег’; *Miš sana?* ‘В чем дело (причина)?’ [ЛАВЯ, 2019, с. 411]. Вполне возможно, что лексема *sana* с ее дополнительными значениями ‘причина; неопределенный момент; некое основание; некое дело’ ранее семантически была более тесно связана с магией заговоров.

Вепским говорам в качестве наименования понятия «слово» известна еще лексема *vajeh*, которая несколько выбивается из общего родственного прибалтийско-финского фона. В родственных языках ее значение ‘фаза; промежуток; этап, период; расстояние между предметами’ и т. д. (см. *vaihe* [SSA, 2000, с. 390]). В вепском же языке, единственном среди родственных языков, *vajeh* — это ‘слово’. Причем данная лексема *vajeh*, как свидетельствует лингвистическая карта (рис. 1), распространена достаточно широко, противопоставляя южновепские (Бокситогорский район Ленинградской области) и восточные говоры (Бабаевский и Вытегорский районы Вологодской области) средневепского диалекта северновепским (Республика Карелия) и западновепским приюгятским (Подпорожский, Тихвинский, Лодейнопольский районы Ленинградской области), где употреби-

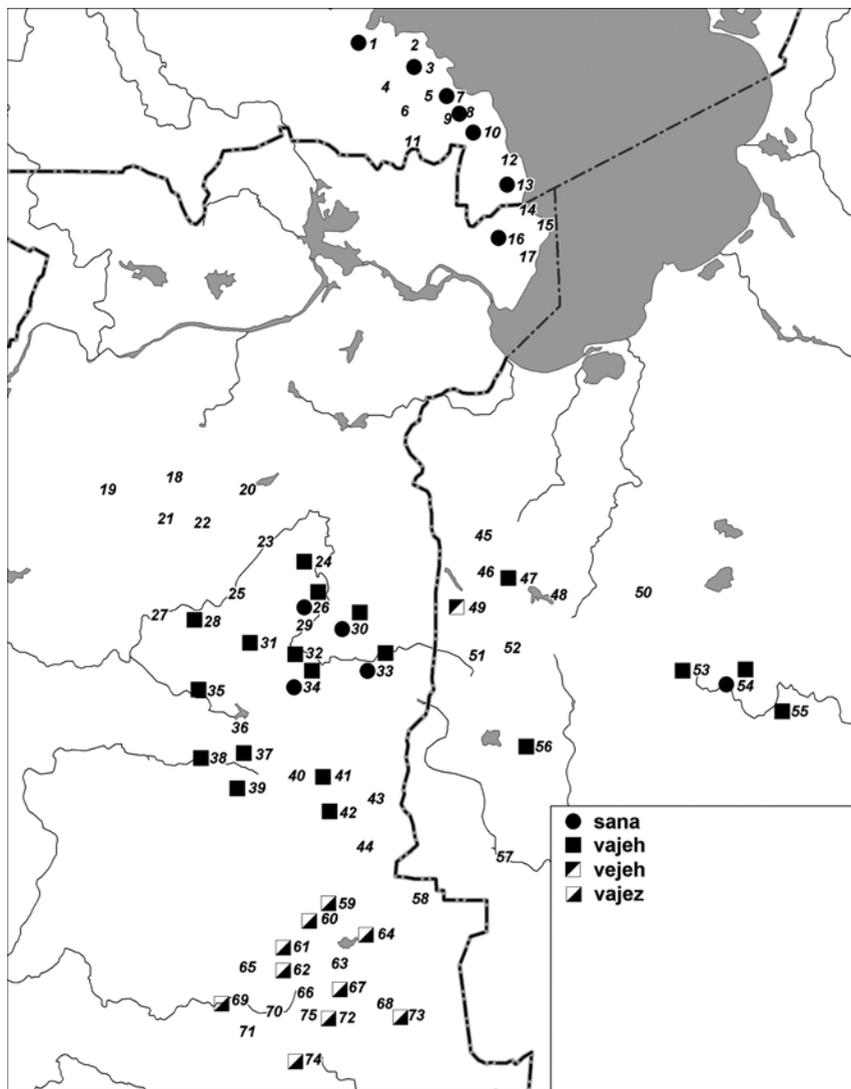

Рис. 1. Наименования понятия «слово» в диалектах вепского языка: карта¹

1 Список вепских пунктов, соотносимых с номерами на картах, см. в конце статьи.

тельна лексема *sana*. Этому имеется свое объяснение: именно южные и восточные вепсы долгое время входили в состав Новгородской губернии, в то время как северные и западные приотские вепсы входили всегда в состав Олонецкой губернии [ЛАВЯ, 2019, с. 539], что, естественно, провоцировало более активное общение вепсского населения внутри административных единиц.

Можно предположить, что именно в связи с многозначностью лексемы *sana* следует искать в вепсских диалектах корни появления новой, семантически более точной лексемы *vajeh* для наименования понятия «слово». Возможно, данный момент мог спровоцировать появление в языке вепсов нейтральной лексемы для обозначения понятия «слово» — *vajeh* (с диалектными вариантами *vejeh*, *vajez*). Причем ее позднее появление не позволило ей войти в круг лексики, связанной с магией заговоров, куда входит более древняя лексема *sana*.

3.2. Магическое действие и его наименование (*puhuda*, *puiteida*, *otvedaida*)

Наиболее распространенным глаголом, обозначающим магическое действие с использованием заговора, является *puhuda*. Он характерен для северных и средних вепсов. Как утверждают этимологи, данный глагол относится к группе ономапоэтических слов и имеется во всех близкородственных языках [Häkkinen, 2007, с. 964]. Его наиболее древнее значение — ‘выдувать что-то изо рта: прежде всего, слону или семена при посадке (напр., репы)’. Постепенно значение стало расширяться, включив в себя и такие значения, как ‘выдувать слова изо рта; выдувать заговоры, заклинания’. В родственном вепсскому финском языке глагол *puhua* приобрел семантику ‘говорить’, а затем возникло большое количество производных как глаголов, так и существительных, вплоть до слова *puhelin* ‘телефон’ (см. *puhua* ‘говорить’ [SSA, 1995, с. 416]). В вепсском же языке глагол сохранил свое первоначальное значение ‘сеять, выдувая семена изо рта’: *vanhat suspei nagrhen puhuiba* ‘старики сеяли репу, выдувая семена изо рта’, а также значение ‘дуть’: *tullii puhub* ‘ветер дует’. Глагол широко используется и с магической семантикой ‘заговаривать’ [СВЯ, 1972, с. 437—438]: *puhutats, konz prizerise ristit* ‘заговаривают, когда человека сглазили’ [NÄKM, 1951, с. 51].

По нашим наблюдениям, глагол *puhuda* не просто обозначает произношение текста заговора, но и весь комплекс магического ритуала, куда входят и слова, и действие. В д. Корбеничи (Тихвинский район Ленинградской области) так описывали процесс лечения: *Koume kerdad puhud, koume kerdad luged i kaikučel kerdal koume kerdad sülge. Necil vedel valad i spravitoi.*

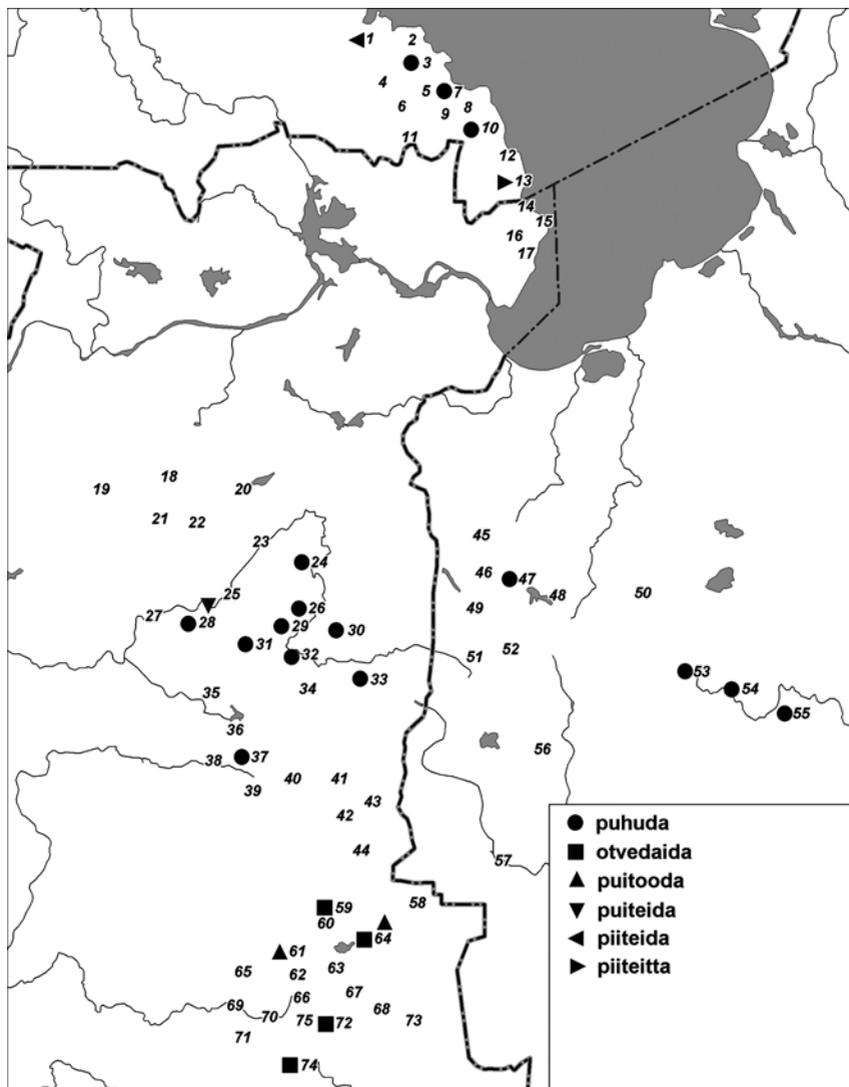

Рис. 2. Наименования понятия «заговаривать» в диалектах вепсского языка. Карта

‘Три раза заговариваешь (*букв. «выдуваешь слова»*) — три раза прочитываешь (заговор), и каждый раз три раза плюешь. Этой водой обольешь и излечишься’ [NVM, 1935, с. 143].

Исследователи усматривают общность семантики данного глагола не только с актом “выдувания” воздуха, сопровождаемого декламацией “конкретных слов”, но и с некоторыми способностями человека посредством совершаемого акта вызвать изменения как в людях, так и в окружающей среде [Siragusa et al., 2021, с. 463].

Значением ‘говорить заговоры, заговаривать’ обладает также глагол *puiteida* (*puitooda*, *piiteida*, *piiteitta*), к примеру: *puitooda purendas* ‘заговаривать грыжу’ [СВЯ, 1972, с. 438], который в настоящее время менее распространен в диалектах вепсского языка, тем не менее его рефлексy имеются почти во всех говорах, что свидетельствует о более широком распространении глагола ранее (рис. 2). В данном случае мы попытаемся предположить связь глагола *puiteida* с другим вепсским глаголом *puitta* ‘идти верхом, прыгая по деревьям (о белке)’ и включить его в одно этимологическое гнездо с финской лексемой *puittaa* ‘бежать быстро, удирать’, которую связывают, с одной стороны, с лексемой *puu* ‘дерево’, с другой стороны, с параллельными формами глаголов типа *puikkia* ‘удирать’, *pujahtaa* ‘пробираться незаметно, проскальзывать’ и т. д. [SSA, 1992, с. 417]. Несмотря на то, что в этимологической статье финского языка вепсских сведений нет, нам представляется интересным упоминание в ней о том, что глагол *puittaa* из диалектов финского языка был заимствован в саамский язык, где он, помимо конкретного значения ‘прыгать (о белке)’, приобрел значение ‘спасаться, произнося что-то, в какой-то ситуации’. При использовании заговоров как раз и стремились силой и магией слова, спецификой его произношения спасать, помогать, излечивать. На наш взгляд, здесь напрашивается прямое сопоставление с вепсским *puiteida*. Вполне возможно, что на семантику вепсского глагола повлиял в этом отношении уже именно саамский язык, поскольку между вепсским и саамским языками существовали в свое время довольно тесные и длительные контакты.

В тексте обрядовых причитаний глагол *puiteida* приобретает, кроме того, и несколько иную семантику. Так, на похоронах мать плачет над сыном: *Uže-ske minä puitein pagištoitta i lodeižoitta ičiin’ libedad linduštese...* ‘Погоди-ка, я попробую разговорить и разбеседовать свою милую пташечку’ [ККК, 2012, с. 172—173]. В данном контексте напрашивается выявление у глагола *puiteida* также значения ‘(по)пробовать’. Учитывая, что причитание является сакральным языком для общения с человеком, находящимся в переходном состоянии, именно семантика заговаривания, произношения «особенных слов» может в подобных текстах являться исходной.

Помимо того, южные вепсы активно используют глагол *otvedaida*. Например: *otvedaida madoo sōndas* ‘заговаривать от укуса змеи’ [СВЯ, 1972,

с. 387]. Слово пришло в южновепский диалект со сходной семантикой из смежных русских народных говоров (ср. петрозаводские, олонекские говоры: *отведать*, *отведывать* ‘расколдовать’ [СРНГ, вып. 24, с. 132]).

4. Заключение = Conclusions

Хотя наименования анализируемых понятий, связанных с воздействием на что-либо или кого-либо и результатами воздействия, определяемыми магией слова, сейчас не настолько широко распространены в среде вепсов, их присутствие на вепсской территории исключительно важно с точки зрения истории развития духовной культуры народа. Слова, направленные на исцеление и защиту, на взаимодействие с духами, выделяются в общем потоке лексики как наделенные особой магией, особой силой (*sana*, *vajeh*, *puheg*, *puittoomine*). Сам же процесс использования *магических слов* именуется глаголами, хранящими в своих истоках значения выдувания из себя особенных слов (*puhuda*), а также произнесения подобных слов в определенный важный момент (*puiteida*). Возможно, подобное понимание произнесения заговоров, именуемое *дутъ слова*, было известно отчасти и в северорусской среде либо появилось в ней под влиянием прибалтийско-финских языков, что нуждается в дальнейших изысканиях.

Отметим, что магические слова и заговоры были особенно востребованы в среде вепсов, которых называли иногда «детьми природы». В первый период развития вепсской литературы (1990-е годы) начинающие писать на вепском языке поэты и писатели часто обращались именно к заговорной традиции. Так, А. И. Андреева, дочь известной северновепсской сказительницы А. Е. Логачевой из с. Шелтозеро (Республика Карелия), даже свои некоторые стихи писала в форме заговоров, напр.:

Veri sinä, verut,	Кровь ты, кровь сырая,
Rusttan lepän vedut,	Красная, рудая,
Palab da sol’hiine,	Солёна, горяча,
Oled männu sonihe...	В венах жизни алчешь...
Ala voda maha,	Не беги землёю
Ala paina päha!..	Черною змеёю...

(перевод В. Агапитова) [Zaiceva, 2016, с. 109].

Это свидетельствует на начальной стадии о тесной связи фольклора и литературы, а также об особом отношении и вере народа в силу и магию слова, в его воздействие на окружающий мир.

СОКРАЩЕНИЯ

Номера вепских пунктов на лингвистических картах и их названия на вепском и русском языках

Северновепский диалект:

1. Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Išan' (Ишанино) ~
3. Vehkoja (Вехручей) ~
4. Нарšom (Габшема) ~
5. Krik (Крюкова Сельга) ~
6. Vanhimsel'g (Вангимова Сельга) ~
7. Šoutarv (Шелтозеро) ~
8. Mecantaga (Залесье) ~
9. Mägi (Горнее Шелтозеро) ~
10. Kaleig (Рыбрека) ~
11. Matvejansel'g (Матвеева Сельга) ~
12. Toižeg (Другая Река) ~
13. Kaskezoja (Каскесручей) ~
14. Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
15. Pervakat (Урицкая) ~
16. Himd'ogi (Гимрека) ~
17. Kal'ŕ' (Щелейки) ~

Средневепский диалект (западные говоры):

18. Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Pečal (Печеницы) ~
20. Čikl (Чикозеро) ~
21. Karhil (Каргиничи) ~
22. Nirgl (Ниргиничи) ~
23. Kuzra (Кузра) ~
24. Nem — Nemž (Немжа) ~
25. Norj (Норгина) ~
26. Järved (Озера) ~
27. Koskenpä (Надпорожье) ~
28. Vil'häl (Ярославичи) ~
29. Sarjärv (Сарозеро) ~
30. Rihaluine (Подовинники) ~
31. Pecoil (Пелдуши) ~
32. Šondjal (Шондовичи) ~
33. Ladv (Ладва) ~
34. Mäggär' (Мягозеро) ~
35. Enar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.

36. Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
37. Korbal (Корбеничи) ~
38. Jogens (Усть-Капша) ~
39. Haragl (Харагеничи) ~
40. Nürgl (Нюрговичи) ~
41. Rebagj (Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
42. Noidal (Нойдала) ~
43. Čidoi (Чидово) ~
44. Korval (Корвала) ~
- Средневепский диалект (восточные говоры):
45. Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
46. Šatjärv (Шагозеро) ~
47. Šimgär' (Шимозеро-Сюрьга), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
48. Pütkask (Пелкаса) ~
49. Väräsjärv (Кривозеро) ~
50. Särgjärv (Сяргозеро) ~
51. Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
52. Vahtkär' (Вахтозеро) ~
53. Pondal (Пондала) ~
54. Kuja (Куя) ~
55. Voilaht (Войлахта) ~
56. Pāžar' (Пяжозеро) ~
57. Kerčak (Керчаково) ~
- Южновецкий диалект:
58. Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
59. Laht (Ллахта) ~
60. Šidjärv (Прокушево) ~
61. Čaigl (Чайгино) ~
62. Sar' (Остров) ~
63. Peloo (Пелуши) ~
64. Sodjärv (Сидорово) ~
65. Žarad (Жары) ~
66. Bušak (Бошаково) ~
67. Kortlaht (Кортлахта) ~
68. Sirj (Перелесок) ~
69. Maslagj (Маслозеро) ~
70. Tutuk (Сташково) ~
71. Tedroo (Тедрово) ~
72. Maigär' (Боброзеро) ~
73. Vaagedjärv (Белое озеро) ~

74. Arskahť (Радогошь) ~

75. Požarišš (Пожарище) ~

Источники

1. *Зайцева М. И.* Образцы вепской речи / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1969. — 296 с.
2. ЛАВЯ — *Лингвистический атлас вепского языка* / под ред. Н. Г. Зайцевой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 573 с. — ISBN 978-5-4469-1395-4.
3. *Леннрот Э.* Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Э. Леннрот. — Петрозаводск : Карелия-Юминкеко, 2007. — 584 с.
4. *Макаров Г. Н.* Словарь карельского языка / Г. Н. Макаров. — Петрозаводск : Карелия, 1990. — 495 с. — ISBN 5-7545-0380-6.
5. СВЯ — *Зайцева М. И.* Словарь вепского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1972. — 745 с.
6. *Словарь* говоров Русского Севера / сост. Е. Л. Березович и др. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — Т. 7. — 400 с. — ISBN 978-5-7996-2253-4.
7. СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* — Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2016. — Т. 1—49. — ISBN 5-02-027894-7.
8. Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН — *Фонограммархив* Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
9. ÄVN — *Äänisvepsän näytteitä / Keränneet ja julkaisseet A. Sovijärvi ja R. Peltola.* — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1982. — 171 p.
10. *Häkkinen K.* Nykysuomen etymologinen sanakirja / K. Häkkinen. — Juva : WSOY, 2007. — 1633 p. — ISBN 978-951-27108-7.
11. ККК — *Käte-ske käbedaks kägoihudeks* [Обернись-ка милой кукушкой]. Вепские причитания / Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2012. — 223 с. — ISBN 978-5-9274-0504-6.
12. NEV — *Kettunen L.* Näytteitä etelävepsästä. In 2 volums / L. Kettunen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1920—1925.
13. NVM — *Näytteitä vepsän murteista / L. Kettunen, P. Siro.* — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. — 273 с.
14. NÄKM — *Näytteitä Äänis- ja Keskivepsän murteista / E. N. Setälä, J. H. Kala.* — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1951. — 662 с.
15. SSA — *Suomen sanojen alkuperä.* Etymologinen sanakirja. In 3 volums. — Jyväskylä : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992—2000.
16. VVS — *Vepsän verkkosanasto.* [Electronic resource]. — Access mode : <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (accessed 23.04.2021).
17. *Zaiceva N.* Virantanaz (вепский эпос) / N. Zaiceva. — Petroskoi : Periodika, 2016. — 216 с. — ISBN 978-5-88170-282-3.

Литература

1. *Винокурова И. Ю.* Вепские заговоры от змей как источник для реконструкции мифологических представлений / И. Ю. Винокурова // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. — Петрозаводск : Издательство КарНЦ РАН, 2008. — С. 196—205. — ISBN 978-5-9274-0308-0.

2. *Винокурова И. Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2006. — 448 с.
3. *Зайцева Н. Г.* Дрожжи и закваски — мастера, кузнецы? (именования понятий в вепском этноязыковом пространстве) / Н. Г. Зайцева // Вестник угроведения. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 642—652. — DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-642-651.
4. *Ильина Ю. Н.* Дуть слова : этнолингвистическая характеристика обрядового термина / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. — 2014. — № 4 (28) : Филология. — С. 30—41.
5. *Grünthal R.* Vepsän kielioppi / R. Grünthal. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 2015. — 347 p.
6. *Kettunen L.* Tieteen matkamiehenä / L. Kettunen. — Porvoo-Helsinki : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1945. — 416 p.
7. *Kettunen L.* Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus / L. Kettunen. — Helsinki : Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, 1943. — № 86. — 526 p.
8. *Siragusa L.* Blowing specific words : verbal charms as material suspended events / L. Siragusa, O. Yu. Zhukova // Multilingua. — 2021. — № 40 (4). — Pp. 463—485. — DOI: 10.1515/multi-2020-0049.
9. *Turunen A.* Vepsäläistä kansanrunoutta / A. Turunen // Virittäjä. — 1943. — Pp. 147—166.
10. *Ujfalvy Ch.* Essai de grammaire vèpse ou tchoude du nord / Ch. Ujfalvy. — Paris : E. Leroux, 1875. — 129 p.

Material resources

- Äänisvepsän näytteitä.* (1982). Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura. 171 p. (In Fin.).
- Dictionary of dialects of the Russian North, 7.* (2018). Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 400 p. ISBN 978-5-7996-2253-4. (In Russ.).
- Dictionary of Russian Folk Dialects, 1—49.* (1965—2016). Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).
- Häkkinen, K. (2007). *Nykysuomen etymologinen sanakirja.* Juva: WSOY. 1633 p. ISBN 978-951-27108-7. (In Fin.).
- Kettunen, L. (1920—1925). *Näytteitä etelävepsästä: In 2 vols.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Fin.).
- Kettunen, L., Siro, P. (1935). *Näytteitä vepsän murteista.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 273 p. (In Fin.).
- Lönnrot, E. (2007). *Kalevala. An epic poem based on ancient Karelian and Finnish folk songs.* Petrozavodsk: Karelia-Yuminkeko. 584 p. (In Russ.).
- Makarov, G. N. (1990). *Dictionary of the Karelian language.* Petrozavodsk: Karelia. 495 p. ISBN 5-7545-0380-6. (In Russ.).
- Phonogram Archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* (In Russ.).
- Setälä, E. N., Kala, J. H. (1951). *Näytteitä Äänis- ja Keskivepsän murteista.* Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 662 p. (In Fin.).
- Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. In 3 vols.* (1992—2000). Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Fin.).
- Vepsän verkkosanasto.* Available at: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (accessed 23.04.2021). (In Fin.).
- Zaitseva, M., Mullonen, M. I. (1969). *Samples of Veps speech.* Leningrad: Nauka. 296 p. (In Russ.).

- Zaitseva, M. I., Mullonen, M. I. (1972). *Dictionary of the Vepsian language*. Leningrad. Nauka. 745 p. (In Russ.).
- Zaiceva, N. (2016). *Virantanaz (The Vepsian epic)*. Petroskoi: Periodika. 216 p. ISBN 978-5-88170-282-3. (In Fin.).
- Zaitseva, N. G., Zhukova, O. Y. (2012). *Käte-ške käbedaks kägoihudeks [Turn around with a cute cuckoo]. Vepsian Lamentations*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 223 p. ISBN 978-5-9274-0504-6. (In Fin.).
- Zaitseva, N. G. (ed.). (2019). *Linguistic atlas of the Veps language*. St. Petersburg: Nestor-History. 573 p. ISBN 978-5-4469-1395-4. (In Russ.).

References

- Grünthal, R. (2015). *Vepsän kieliooppi*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 347 p. (In Fin.).
- Ilyina, Yu. N. (2014). *Dut' Slova: Ritual Term Ethnolinguistic Description*. *Nauchnyi dialog*, 4 (28): *Philology*. 30—41. (In Russ.).
- Kettunen, L. (1943). *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, 86*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 526 p. (In Fin.).
- Kettunen, L. (1945). *Tieteen matkamiehenä*. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö. 416 p. (In Fin.).
- Siragusa, L., Zhukova, O. Yu. (2021). Blowing specific words: verbal charms as material suspended events. *Multilingua*, 40 (4): 463—485. DOI: 10.1515/multi-2020-0049.
- Turunen, A. (1943). Vepsäläistä kansanrunoutta. *Virittäjä*. 147—166. (In Fin.).
- Ujfalvy, Ch. (1875). *Essai de grammaire vèpse ou tchoude du nord*. Paris: E. Leroux. 129 p. (In Franc.).
- Vinokurova, I. Yu. (2008). Vepsian plots from snakes as a source for the reconstruction of mythological representations. In: *Historical and cultural heritage of the Veps and the role of the museum in the life of the local community*. Petrozavodsk: KarSC RAS Publishing House. 196—205. ISBN 978-5-9274-0308-0. (In Russ.).
- Vinokurova, I. Yu. (2006). *Animals in the traditional worldview of Veps*. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 448 p. (In Russ.).
- Zaitseva, N. G. (2020). Yeast and starter cultures — masters, blacksmiths? (naming concepts in the Veps ethno-linguistic space). *Bulletin of ugrovedenie*, 10 (4): 642—652. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-642-651. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.11.2021,
одобрена после рецензирования 18.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.